

«Здравствуйте, мисс Пендергаст, - сказал я.

Мисс Пендергаст была почти худой, как скелет, женщиной с седеющими волосами, собранными в тугий пучок. На ней был черный деловой костюм, который выглядел дорого; намного дороже, чем то, что предполагаемая благотворительная организация вроде Молодежной гвардии должна была позволить ей. Возможно, она была богата и независимо, но другие благотворительные организации были более популярны среди этой публики. Фотографии травмированных домашних животных и детей с грустными глазами были гораздо более приятными для этой публики.

Формально «Молодежная гвардия» была благотворительной организацией. Люди, которые делали пожертвования Молодежной гвардии, как правило, принадлежали к низшему среднему классу и сильно коррелировали с толпой правопорядка. Люди давали им деньги, и две трети из них считали, что жертвуют деньги непосредственно в палаты. Я все время видел, как наклейки на бамперах хвастались тем, что водитель пожертвовал Молодежной гвардии. Машины неизбежно были кусками дерьма.

У меня были подозрения по поводу финансов Молодежной гвардии. Их списки членов были раздутыми; тридцать тысяч человек, чтобы защищать несколько сотен подростков? Они не только получали благотворительные пожертвования, но и зарабатывали деньги на штрафах для PRT. Но на данный момент я ничего не мог с этим поделать; что я мог сделать, так это попытаться разобраться с этой женщиной. В конце концов, она пыталась меня убить, заставив меня дебютировать в разгар войны банд, а затем вытолкнула меня в самый разгар войны.

Внешность мисс Пендергаст немного напомнила мне внешность Блэквелла. Выражение ее лица было резким и суровым. Она смотрела на меня сверху вниз через круглые очки.

"Да?" спросила она. «Я очень занята, девочка, так что, если тебе не нужно сказать что-то важное, у меня есть другие дела».

Члены Молодежной гвардии должны были выступать в защиту подопечных подростков. Тот факт, что я даже не видел ее однажды, говорит о том, что она вообще не была заинтересована в том, чтобы защищать меня. Она даже не встречалась с моим отцом, что, казалось, подтвердило мои подозрения.

Я уловил минутную заминку в ее дыхании в тот момент, когда она увидела меня, легкое напряжение в ее позе и легкое побледнение ее щек, прежде чем она взяла себя в руки.

Она знала, кто я, и не хотела иметь со мной ничего общего. Была ли она фанатиком параличей, или ее беспокоил мой класс сил? Я изучил ее досье, и, похоже, она была достаточно компетентной, даже несмотря на то, что она была отмечена как холодная и безличная в своей работе.

У многих людей было врожденное отвращение к людям, которые были Учителями. Она, должно быть, предположила, что социальный мыслитель во многом такой же.

Если бы она проявляла сочувствие, я бы сыграл молодого, невинного, напуганного Уорда, но этой женщине было все равно, выживу я или умру. Мне была зарплата, но неудобная. Во всяком случае, она могла попытаться ограничить мою деятельность, чтобы «защитить» остальную часть общества от моих ужасных способностей. Слава девушка могла бегать, взрывая эмоции направо и налево, но я была опасна.

Меня это совсем не огорчило.

Ее никогда не уговорили бы сделать что-нибудь для меня, чтобы помочь мне. Фактически, она намеревалась сделать все возможное, чтобы обмануть меня, потому что она считала, что я представляю опасность для нее самой, общества и других детей в этом порядке. Чем дольше я смотрел на нее, тем яснее становилось.

Она была фанатиком.

«Я Проницательность, - сказал я. «Новый Вард? Тот, за который вы должны выступать? Почему я не поговорил с тобой? »

«Мне нечего тебе сказать, - сухо сказала она.

Она отступила, но заставила себя остановиться. Она не хотела, чтобы я доставил ей удовольствие, зная, что она боится. Для нее было важно показать доминирование. Я подозревал, что ей нравилась возможность подталкивать Директоров и героев PRT, и что это доставляло ей болезненное удовольствие, подтверждающее ее существование. Она была хулиганом, и хотя, вероятно, в моих интересах было бы лучше относиться к ней, я обнаружил, что изо всех сил стараюсь не наброситься на нее.

«Конечно, где-то есть правило, что я имею право встречаться с моим представителем», - сказал я. «Например, если у меня есть жалоба?»

Она выходила из администрации, вероятно, пытаясь оформить документы. Она пыталась ускорить мое публичное раскрытие? По ее мнению, чем быстрее я выйду из команды, тем лучше.

«У вас есть жалоба?»

"Да. Я не успел встретиться с моим представителем, - сказал я. «Это должно быть нарушение моих прав где-то. Даже члены банды могут отстаивать свое дело ».

«Тебя не судят», - сказала она. На ее губе был небольшой, почти незаметный завиток.

Там все же было подразумеваемое, что мне не понравилось. Для Мастера было практически невозможно добиться справедливого судебного разбирательства. Прокуроры избивали присяжных то, на что были способны Мастерс. Было легко доказать, что даже если плащ не совершил это конкретное преступление, для общества лучше посадить их под замок, потому что рано или поздно они собираются совершить что-то ужасное. Слишком много присяжных согласились с этим предубеждением. В конце концов, средства массовой информации продвигали этот рассказ в течение долгого времени.

Каждое дело Мастера было громким делом, и я никогда не слышал новостей, в которых было бы беззастенчиво сочувствовать мастеру. Даже к самым невинным из них были прикреплены квалификаторы.

«Почему ты на этой работе, если не любишь детей?»

Она не думала, что кто-то знает, хотя это было очевидно для любого, кто хоть на половину глаза. Если бы я мог заставить ее думать, что использую свои силы, чтобы читать ее мысли, это оказало бы давление на нее. Учитывая ее ужас перед хозяевами, было бы несложно заставить ее делать что угодно из-за ее беспокойства и ненависти.

Нажимать кнопки, когда они были размером с тарелку, было не так уж и весело.

«Я защищаю детей», - сухо сказала она. «От PRT и от себя. Они нуждаются в дисциплине и руководстве ... парачеловеки больше, чем кто-либо ».

«Значит, вы защищаете детей ... от детей, которых должны защищать?»

«Я делаю то, что лучше для всех, - сказала она. Она посмотрела на меня. «Можете ли вы сказать то же самое? Подростки эгоистичны и склонны считать, что знают все. Дети паракхуманов еще хуже; они думают, что они особенные ».

«Мы особенные. У нас есть обязанности и потребности, которых нет у других подростков. Вот почему у нас должны быть защитники, которым действительно небезразлично, что с нами происходит. Но тебя это не волнует ».

«Моя работа состоит в том, чтобы привлекать PRT к ответственности, а не удовлетворять прихоти людей, чей мозг недостаточно развит, чтобы связать логические мысли воедино».

«Можно подумать, если мы окажемся в таком ... невыгодном положении, нам понадобится больше, а не меньше».

«Тебя нужно обуздать», - сказала она. «Под контролем».

«Молодежная гвардия имеет большую власть над палатами, не так ли?» Я сказал: «Штраф в десять тысяч долларов - это не что иное, как для PRT, но для отделения, это должно звучать как все деньги в мире. Сокращение часов до костей, право вето даже на второстепенные аспекты нашей жизни, такие как школьные танцы ... это должно быть головокружительно, имея такую большую власть над сопливыми подростками. У вас есть доступ к нашим файлам и возможность разрушить нашу жизнь, если мы не будем следовать вашим прихотям. Это большая сила для человека, у которого нет никакой реальной квалификации или ответственности ».

«Никто не будет подчиняться, если не будет последствий».

«Детей легко запугать. Некоторые семьи настолько бедны, что нуждаются в зарплате прихода, чтобы оплачивать дом. Несколько предложений о том, что их могут забрать у родителей из-за бедности ... и они сделают все, что вы скажете ».

Она ненавидела детей и еще больше ненавидела подростков.

«Это признак незрелости, дикие обвинения. Слаборазвитый мозг, думающий, что он знает все, что ваши идеи совершенно новые, когда ваши лучшие игроки уже рассмотрели их и отклонили их по причинам, которые вы слишком ... ребячливы, чтобы понять ».

«Мы не дети, но вы настаиваете на том, чтобы относиться к нам так, как мы. Другие палаты говорят, что вы никогда не говорили им ни слова, только их родителям и должностным лицам PRT. Вы проигнорировали их вопросы и вели себя так, как будто им нечего было вносить в обсуждения, которые повлияют на их дальнейшую жизнь ».

«Мне нечего тебе сказать, - сказала она. «Я не позволю себе подвергнуться такому нападению».

Она обошла меня и пошла по коридору. Учитывая ее график, на который мне удалось убедить агента позволить мне взглянуть, она должна была двигаться в противоположном направлении. Ей удавалось сохранять стабильную манеру поведения, но она была потрясена. Конечно, того

немногого, что я сказал, было недостаточно, чтобы ее так расстроить. Боялась ли она, что я узнаю что-то такое, чего она не хотела, чтобы кто-то знал?

«Я уверен, что тебе нечего скрывать», - сказал я. «Так что предприимчивому мыслителю нечего было бы обнаружить, если бы она начала какое-то ... совершенно законное любопытство».

Она остановилась и повернулась.

«Я брошу тебя в тюрьму», - злобно сказала она. «Использование сверхчеловеческой силы против гражданского населения, шантаж, террористические угрозы».

«Вы ведь гражданское лицо?» Я спросил. «И разве случаи шантажа обычно не включают раскрытие сути шантажа? Я полагаю, ты мог бы солгать и попытаться сказать, что я сказал то, чего не делал, но ... ну, это может плохо кончиться для тебя. PRT действительно хочет меня, а вы ... вы всего лишь батрак и мелкий диктатор. Насколько сложно мне получить десятки жалоб на вас от подопечных и их семей? »

Ее руки сжались.

«Но я полагаю, что неудивительно, что ты такой, приходишь из такой коррумпированной организации, как твоя».

Она застыла.

«Молодежная гвардия служит важной цели!» она сказала. «Мы защищаем родителей от злоупотреблений PRT!»

«Ваша организация возникла в результате отмены закона Кугана», - сказал я. «Закон имел целью запретить родителям украсть все заработки детской звезды до того, как им исполнится восемнадцать. По сути, то, что вы сделали, позволило родителям грабить целевые фонды Уорда, потому что бедный Уорд - это тот, кого можно контролировать. Разве ты не сказал, что нас нужно контролировать? »

«Мы защитили права родителей на своих детей. Вы думаете, что PRT заботится о вас? Они бы приковали тебя цепью где-нибудь в подвале, собирая свои маленькие безделушки, как в азиатской потогонной мастерской.

«Ах ... эти маленькие безделушки. Это то, что вам больше всего угрожает. Вы можете оштрафовать меня сколько угодно, но через год или два у меня будет достаточно денег, чтобы потеря всего моего трастового фонда меня совсем не беспокоила. Если вы сократите мои часы до пары часов в неделю, я уйду и уйду на работу, и вы можете держать пари, что General Electric не боится вас или ваших адвокатов. Они увезут меня в другой штат с частными репетиторами, и вы не увидите меня снова, пока я не сообщу, что Молодежная гвардия пыталась остановить лечение рака. У меня есть годы, чтобы понять, почему благотворительной организации, обслуживающей несколько сотен подростков, нужно по 50 сотрудников на каждого человека, которому они собираются служить ».

Теперь она дрожала от гнева, и я двинулся дальше.

«Я особенный, и это тебя беспокоит. В конце концов, вы никогда в жизни не были особенными, не так ли? Ни обручального кольца, ни мужа, всегда наблюдая, как другие девушки находят человека, который вам действительно интересен. На самом деле никаких достижений.

Посредственная, невыполненная жизнь, зная, что никогда, никогда не станет лучше. Я подросток и собираюсь стать богатым. Я не самая красивая, но у меня наверняка будут парни, мужья и дети ... знаменитость делает тебя намного привлекательнее. Я буду общаться с красивыми людьми, а ты ... ты просто станешь старше и одиночее. Никто никогда не полюбит тебя. Я не всегда буду подростком, но ты всегда будешь посредственным ».

Теперь она была на грани. Все, что мне нужно было сделать, это подтолкнуть немного сильнее.

«Что ж, больше всего вас беспокоит то, что я уже внедрил в вашу голову идею, которая превратит вас в эквивалент бомбы Симурга».

Краска сошла с ее лица.

«Может быть, я уже заставил тебя забыть то, о чем мы уже говорили», - сказал я. «А сегодня вечером ты задушишь свою... кошку?»

«Это единственное, что вы действительно любите, и вы никогда не забудете ощущение ваших рук на этой маленькой шее. Вы знаете, это похоже на куриные кости. Видя это предательское выражение на ее маленьком личике ... ну, я полагаю, это будет почти так же сложно, как быть арестованным за свои маленькие ... побочные проекты.

Мое лицо взорвалось от боли, и через мгновение я оказался на земле, а сверху на мне взрослая женщина. Мгновение спустя мир вокруг нас исчез, поскольку мы оба были обрызганы пеной для сдерживания, и все потемнело, кроме ее лица, рычащего надо мной. Я был счастлив, что мы были достаточно далеко друг от друга, и она не могла меня укусить. Никто из нас не мог двинуться с места.

«Что ж, теперь у нас есть время поговорить», - сказал я. Я улыбнулся ей, хотя левым глазом не видел.

Зная процедуры PRT, у меня было как минимум двадцать минут до того, как нас выпустят.

«Ты должен был быть разумным», - сказал директор. «Итак, первое, что вы решите сделать, это заставить представителя Молодежной гвардии вас ударить?»

Зрение в моем левом глазу было нечетким, и казалось, что передо мной два директора. Моя щека, верхняя губа и край носа онемели. В моем видении были пятна, и было больно пытаться пошевелить глазами.

«Она - фанатик, выступающий против парачеловеков», - сказал я. «Не такой, как ты, который по праву подозрительно относится к парачеловекам. Ваша задача - управлять нами, поэтому имеет смысл нанять кого-то, кто видел худшее, на что мы способны. Хотя она должна быть нашим защитником, и чтобы она активно нас не любила ...

- Мы сейчас просматриваем ее домашний компьютер, - сказала она. «Были некоторые ... относящиеся к делу находки».

«Ну, я бы не знал по себе, но я слышал, что это верно для каждого взрослого компьютера».

Ее взгляд не был дружелюбным.

"Извините. Деннис плохо влияет. Во всяком случае, я купил нам три недели или около того, прежде чем вы покажете меня миру.

Она посмотрела на меня и жестом попросила продолжить.

«Молодежная гвардия, как правило, бывает занудой, но не отважной занудой. Броктон-Бэй - не излюбленный пост в лучшие времена, и, когда идет война банд, им придется ссориться между собой из-за того, кто вынужден сюда приехать. Если нам повезет, вся эта война закончится к тому времени, когда они прибудут сюда, и меня не составит труда представить ».

«Нам не повезло, - сказала она.

Она смотрела на меня.

«Использование своих полномочий в отношении членов PRT недопустимо», - сказала она.

«Но я этого не сделал», - сказал я. «Она не является членом PRT».

«Семантика», - сказала она.

«Что ж, могут быть моменты, когда мне следует применить свои способности к своим коллегам. Я подозреваю, что агент Стивенс работает на банду.

Она застыла.

"Какие?"

«Что ж, по большей части это предположения, но позвольте мне изложить свои доказательства».

Следующие десять минут я посвятил изложению своего дела. Я сложила папку в папку еще до того, как уехала на встречу с миссис Пендергаст. К тому времени, как я закончил, ее губы были сжаты.

«Когда вы пришли к таким выводам?»

«Вчера», - сказал я. «Я работал над этим делом пару дней, но предполагал, что вам потребуется как можно больше подтверждений, прежде чем вы сможете действовать».

«Это не Уинслоу, - сказала она. «Нам нужны доказательства, но я хотел бы узнать о ваших подозрениях как можно скорее. Я бы хотел, чтобы вы довели эти подозрения до меня одного; последнее, что нам нужно, это обнаружить, что наши компьютерные системы были взломаны или что кто-то из уборщиков был скомпрометирован ».

Я кивнул.

Она даже не упомянула о возможности того, что один из ее помощников может быть скомпрометирован.

«Кроме того, не думайте, что я забыл о том, что искал для вас наказание за то, что вы явно враждебны Амелии Пендергаст. Медики, которые вас осматривали, говорят, что есть некоторые опасения, что вы, возможно, сломали себе скулу; возможно, это может потребовать хирургического вмешательства. Как ты собирался объяснить это своим одноклассникам? »

«Меня ограбили по дороге в школу», - сразу сказал я.

«Что ж, мы собираемся показать вам Панацею. Слава Девушка будет там ».

Я напрягся.

Неужели Дин сдал меня?

«Некоторые из опеки были обеспокоены всеми слухами о ссоре между вами двумя».

Насколько я мог видеть, это выглядело так, как будто это был не Дин, даже если мое зрение было нарушено. Кто-то другой, должно быть, разговаривал с директором или, что более вероятно, мисс Милиция. Кто это был? Нам понадобятся слова. Меньше всего мне было нужно, чтобы люди из лучших побуждений доставляли мне еще больше проблем.

«Может, лучше ...» - начал я.

Они собирались раскрыть мою личность Славе? Нет ... у них будет прикрытие.

«Считай это своим наказанием», - сказала она. «Помирись с ней. Я не говорю, что вы должны подружиться с ней или даже быть рядом с ней, но сделайте так, чтобы она чувствовала себя комфортно в этой ситуации, чтобы она не жаловалась своим друзьям все время. Последнее, что вам нужно, - это такое внимание ».

«Я мог бы сделать это по телефону».

«Ну, ты этого не сделал», - сказала она. «Я рад, что вы разрешаете свои личные подростковые проблемы, если они не влияют на команду или не ставят под угрозу личность людей. Если вы этого не сделаете, мне придется вмешаться ».

Я смотрел на нее.

Она наклонилась вперед.

«Или, может быть, мне придется ... каков был ваш срок? Царствовать тебе? "

«Да, мэм, - сказал я.

Небольшое оскорбление в ее адрес было сделано, чтобы заставить ее думать, что я ею не манипулирую. Зачем социальному мыслителю оскорблять своего босса прямо на ее глазах? Но я собирался за это заплатить. Теперь лучше всего было быть пассивным, послушным и очень, очень послушным.

Я мог бы попытаться раскаяться, но она бы отнеслась к этому очень подозрительно.

Я ожидал синяка под глазом, а не сломанной скулы, и моим наказанием было вылечиться и попытаться убедить боль в заднице перестать быть болью в заднице. Кроме того, я не стал жертвой убийства в течение трех недель, а Пендергасту предъявили обвинение в нападении и избиении несовершеннолетнего. Скорее всего, они снизят обвинения в обмен на то, чтобы избежать суда, но ей будут предъявлены обвинения в том, что они нашли на ее компьютере. Вряд ли она

В общем, я бы считал победой, если бы не казалось, что мое глазное яблоко вот-вот выскочит и свисает мне на лицо.

На самом деле, я боялся того, что мой учитель боевых искусств скажет о том, что меня избила костлявая женщина, более чем в три раза меня старше меня. Я собирался бегать круги еще долго, и по блеску в глазах Директора она это знала.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/53903/1617451>